

УДК 330.114.3

*А.П. Заостровцев***КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ:
ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ**

Показана роль экономического анализа конституций как формальных и неформальных общественных договоров. Рассмотрены общественные учения, ставшие источниками идей, позже реализованных и развитых конституционной политической экономией. Определено место конституционной политической экономии в системе современных экономических учений: теории общественного выбора, экономической теории права и новой институциональной экономической теории. Отмечено, что новая институциональная экономическая теория позволяет дополнять и развивать конституционную политическую экономию.

Ключевые слова: конституционная политическая экономия, общественный договор, рациональный выбор, максимизирующее поведение, общественный выбор, экономика и право, институты, новая институциональная экономическая теория.

Для чего экономистам конституция?

Экономическая теория уже много лет трактуется экономистами как наука, которая отличается от других наук об обществе только методом, но никак не предметом исследования. Если все-таки определить ее предмет, то можно сказать, что она изучает человеческое общество¹. Это распространение экономической теории вширь во второй половине прошлого века было названо экономическим империализмом².

Что же является «подходом» (иначе говоря, методом исследования) экономической науки, составляющим ее отличительный признак? Говоря словами Беккера, «экономический подход предполагает максимизирующее поведение», причем «речь может идти о максимизации функции полезности все равно кем – семьей, фирмой, профсоюзом или правительственными учреждениями» [2. С. 26]. Сам он очень широко применял экономический подход к самым разным сферам человеческого бытия, в том числе и в анализе криминального поведения³.

Однако развившееся впоследствии в рамках чикагской экономической школы (Беккер – один из виднейших ее представителей) такое направление экономической теории, как «экономика и право» (*law and economics*), существенно отличается от конституционной политической экономии (КПЭ). Первое на основе экономического подхода изучает преимущественно выбор внутри правил (действующих законов, которые рассматриваются как внешние ограничители), тогда как КПЭ сосредоточивается на изучении происхождения самих правил, и, прежде всего, конституционных норм и прав. Таким образом, они для нее оказываются не экзогенными, а эндогенными переменными.

В философии права, несмотря на современные тенденции к сближению, сохраняется конфликт между теориями позитивного права (юспозитивизмом) и естественного права (юснатурализмом). Если первая сводит правосудие к законности (юридические нормы справедливы, поскольку они законны), то вторая сводит законность к справедливости (юридические нормы законны, поскольку они справедливы) [11. С. 22, 25].

¹ В последнее время появилось направление экономической мысли, которое применяет методы экономического анализа для изучения поведения представителей фауны. Для того чтобы не быть голословными, сошлемся, например, на книгу Гордона Таллока [31].

² Основателем экономического империализма считается английский экономист Лайонелл Роббинс, который еще в 1935 г. дал следующее определение: «Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [16. С. 18]. Манифестом зрелого экономического империализма является статья Гэри Беккера «Экономический анализ и человеческое поведение» (1976 г.). В ней он, в частности, писал: «Экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей обществознания не предметом, а своим подходом» [2. С. 26]. И далее он подчеркивал, что «экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм поведения» [2. С. 26].

³ В 1968 г. он опубликовал статью «Преступление и наказание: экономический подход» [1].

В экономической теории, объясняющей происхождение конституций, тоже имеют место две противоречащие друг теории. Первая объясняет конституцию как социальный контракт (общественный договор), который при наличии так называемой «вуали неведения» (неопределенности относительно своего и/или своих потомков будущего статуса), способны сознательно заключить рациональные индивиды. Он отвечает критерию Парето-улучшения, а следовательно, в идеале может быть принят на основе единогласия, раз ничье положение в результате не ухудшается. Такая трактовка конституционного договора характерна для создателей виргинской школы политической экономии – Джеймса Бьюкенена и Гордона Таллока, а в сущности есть идеализированный слепок с истории США и может рассматриваться как экономический конструктивизм в трактовке конституций (захотели – договорились – выиграли)⁴.

Другой подход присущ новой институциональной экономики. Она чужда социального конструктивизма и придерживается эволюционной трактовки институтов, под которыми согласно широко известному определению Дугласа Норта понимаются «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимодействие между людьми» [13. С. 17]. Очевидно, что конституции образуют важнейшие из такого рода рамок.

Согласно эволюционной теории «выбор» институтов на протяжении истории человечества есть спонтанное следствие взаимодействия множества акторов с различными интересами, а также их групп. Он отличается от простого выбора, который совершают разрабатывающие и утверждающие текст конституции делегаты гипотетического учредительного собрания. Писанные конституции обретают устойчивость и действенность, если они базируются на спонтанно возникающих так называемых «надконституционных правилах»⁵. В противном случае их положения находятся в непрерывном противоречии с практикой правоприменения или, говоря обыденным языком, остаются только на бумаге.

В свою очередь, происхождение институтов (включающих устойчивые стереотипы поведения) толкает экономистов к исследованию таких, казалось бы, далеких от них аспектов человеческого бытия, как культура, мораль, идеология. Например, отмена рабства в XIX в. в США (и соответствующая конституционная поправка) не вписывается в традиционную экономическую логику. «Окончание рабства не было вопросом экономической эффективности или предпочтений голосующих. Рабство необходимо было отменить потому, что многие люди не могли с чистой совестью участвовать в правовой системе, которая поддерживает рабство» [30. Р. 98].

Конечно, экономисты не предписывают людям ценности, а принимают их как данные⁶. Поэтому моральный императив в виде освобождения рабов может быть представлен ими как цель, за которую не жалко и заплатить. Например, выкуп рабов за счет бюджета имел место в истории Великобритании⁷. Здесь стоит указать на сходство такой позиции экономистов с современной постановкой юристами проблемы соотношения права, нравственности и власти, согласно которой «признается, что только на основе этики возможны оценка и критика права в последней инстанции» [11. С. 25].

Таким образом, ответ на поставленный вопрос – зачем экономистам конституция – сравнительно прост. Экономисты изучают институты, а конституции (как формальные, так и неформальные) представляют собой ключевые институты, определяющие устройство общества, ход его развития и экономический рост. Однако изучают они их на основе того же подхода, что используется при рассмотрении поведения людей в таких традиционных для экономической теории областях, как рынки. В этой уни-

⁴ Следует только подчеркнуть, что конструктивизм Бьюкенена-Таллока не является этатистским: конституционный договор заключается не по инициативе «сверху», а свободными, рациональными индивидами, действующими в собственных интересах.

⁵ «Наиболее общие и трудно изменяемые неформальные правила, имеющие глубокие исторические корни в жизни различных народов, тесно связанные с преобладающими стереотипами поведения, религиозными представлениями и т.п., и зачастую не осознающиеся индивидами, т.е. перешедшие в разряд стереотипов поведения больших групп населения...» [9. С. 43].

⁶ «Экономическая теория имеет дело с редкими средствами достижения целей, безотносительно содержания целей. Цели находятся вне рамок рациональности, но любое действие сознательного существа, направленное к достижению конкретной цели, необходимо рационально» [12].

⁷ В одной из дискуссий российский экономист Р. Капелюшников приводит пример с решением британских налогоплательщиков заплатить 20 млн. фунтов стерлингов за выкуп рабов их владельцам в британских колониях в 30-е гг. XIX в. и цитирует в этой связи высказывание Дж. Ст. Милля: «То моральное совершенствование, которое получил британский народ в результате этой реформы, с лихвой окупает те деньги, которые он заплатил» [10].

версальной опоре на рационального, максимизирующего собственную полезность индивида как раз и заключена специфика метода экономической науки, названного австрийским экономистом Й. Шумпетером «методологическим индивидуализмом». С помощью этого метода экономическая теория «препарирует» и правые нормы, включая их базовые составляющие и опоры в виде конституций.

Идейные истоки конституционной политической экономии

Кнут Виксель (1851-1926). В разговоре об идейных предшественниках КПЭ нельзя пройти мимо наследия Викселя. «Это был Виксель, – пишет современный немецкий экономист Стефан Войгт, – который признал принцип единогласия в ситуациях коллективного выбора в качестве необходимого и достаточного критерия шагов в направлении Парето-улучшения, и это признание впоследствии стало краеугольным камнем бюкененовской конституционной экономики» [32. Р. 14]. Кроме того, как отмечает Рольф Швери, «идея выбора ограничений в противоположность выбору в условиях определенных ограничений принадлежит К. Вискелю. Однако его важные идеи не были замечены в русле неоклассической экономической теории, и именно виргинская школа их востребовала» [20. С. 49].

Эту востребованность идей Викселя виргинской школой подтверждает и Бьюкенен. «Одно из главных отличий подхода Викселя к данной проблеме [совершенствования политики] от традиционного подхода, до сих пор господствующего в прикладной экономической теории, заключается в том, что реформировать надо не политику как таковую, а конституцию политики» [5. С. 24]. И далее: «Подход Викселя нацелен на реформу правил игры, что в общем соответствует интересам всех игроков, а не на улучшение стратегий отдельных участников при неизменных ее правилах» [5. С. 24].

Предложение Вискелем правил единогласия для одобрения некоторых программ бюджетных расходов, его требование совместного принятия решений о государственных расходах со способами финансирования бюджета и ряд других рекомендаций в области общественных финансов оценены Бьюкененом как начала КПЭ. «...Виксель неосознанно расширил свой анализ до уровня конституционного выбора, то есть выбора правил, регламентирующих деятельность государства. Реформы, предложенные им, несомненно, относятся к разряду конституционных, так как их целью является улучшение механизма принятия политических решений» [5. С. 25].

Фридрих фон Хайек (1899-1992). Говоря об истории развития идей, приведших к появлению КПЭ, нельзя не уделить особое внимание Хайеку – одному из основателей неоавстрийской школы экономической мысли. Очень важно, что Хайек фактически был первым представителем этой школы, кто подходил к синтезу австрийской теории информации (ограниченного, рассредоточенного знания) с характерным для теории общественного выбора отторжением идеи о благонамеренности государства. Это хорошо видно, например, хотя бы из датированной 1945 г. его трактовки «индивидуализма по Адаму Смиту»⁸.

Неудивительно, что в дальнейшем Хайек пришел к обоснованию практически тех же ограничений для государства, что и основатели теории общественного выбора. Особо заметно это в его работах «Конституция свободы» (1960) и «Право, законодательство и свобода» (1973–1979), где он детально исследовал институциональные ограничения в политике и правовых нормах, необходимые для сохранения свободной экономики и мирного общественного порядка [25; 19]. Хайек, как и Бьюкенен с Таллоком после него [6. С. 31-206], утверждал, что для процветания общества право государства на насилие должно быть серьезно ограничено конституционным устройством.

Далее Хайек развивал конституционную теорию параллельно с Бьюкененом. Хотя надо подчеркнуть, что «Конституция свободы» Хайека была издана двумя годами ранее фундаментальной работы Бьюкенена и Таллока «Расчет согласия». В постановке ряда вопросов Хайек был первым. Например, он неоднократно, начиная еще с «Дороги к рабству» [18], указывал, что главным предохранителем против злоупотреблений конституционно ограниченного правительства является равное

⁸ «Вряд ли будет преувеличением утверждать, что основное достоинство индивидуализма, отстаивавшегося Смитом и его современниками, заключается в том, что этот порядок, при котором дурные намерения способны причинять наименьшее зло. Это социальная система, функционирование которой не требует, чтобы мы нашли добродетельных людей для управления ею или чтобы все люди стали лучше, чем они есть теперь, но которая использует людей во всем их разнообразии и сложности: иногда хорошими, иногда дурными, порой умными, но чаще глупыми» [19. С. 32].

применение правил для всех без исключений. Много позже Бьюкенен вместе с Роджером Конглтоном подробно раскрыли значение универсальности норм («принцип всеобщности») для успешного функционирования экономики в условиях демократии [22-24].

Немецкий ордолиберализм. Возвращаясь к предшественникам КПЭ, стоит обратить внимание на Фрайбургскую школу (так называемый «ордолиберализм»)⁹. Американские исследователи КПЭ не признают ее в качестве предшественника. В то же время немецкие авторы, такие как, например, Гельмут Лейпольд и Виктор Ванберг, подчеркивают общность подходов немецких «ордолибералов» и американских конституционалистов [26; 7].

Общим в обеих школах является то, что они рассматривают институты как результат сознательного выбора. В то же время американская школа КПЭ нацелена, главным образом, на ограничение государства-Левиафана, тогда как ордолиберализм видит в сильном государстве защитника конкурентного порядка и противовес поиску ренты со стороны групп интересов¹⁰. И если противодействие поиску ренты никак не идет вразрез с требованиями американских конституционалистов, то упор на конкурентную политику государства для последних совсем не характерен. В то же время «ордолибералы» постоянно поднимали эту тему и призывали государство активно противостоять частным монополиям, бороться против их экономической власти и даже предотвращать их появление [14. С.242-249, 378-388, 472, 473]¹¹. Таким образом, немецкий ордолиберализм все-таки ближе к видению государства в качестве «благонамеренного» диктатора (в данном случае, диктатора, охраняющего конкурентный рыночный порядок).

Место конституционной политической экономии в системе экономических учений

Бьюкенен выделил целый набор современных экономических учений, которые являются родственными КПЭ в том плане, что стремятся преодолеть относительно узкие рамки традиционной неоклассической теории. К ним он отнес:

- 1) теорию общественного выбора, на базе которой и возникла КПЭ;
- 2) экономическую теорию прав собственности;
- 3) теорию экономики права (экономический анализ права);
- 4) политическую экономию государственного регулирования;
- 5) неоинституциональную экономическую теорию;
- 6) новую экономическую историю [4. С.171].

Рассмотрим некоторые из перечисленных Бьюкененом экономических учений в связи с их отношением к КПЭ.

Конституционная политическая экономия и теория общественного выбора (ТОВ). Начнем, конечно, с ТОВ, поскольку КПЭ также можно трактовать как ее субдисциплину. КПЭ отличается от ТОВ, так как последняя исследует как агенты (такие как избиратели, политики, члены групп интересов, бюрократы и т.п.) ведут себя в сфере политики при *данной* институциональной структуре. В этом смысле ТОВ аналогична традиционной экономической теории в смысле выбора в рамках правил, но ее предмет ближе все-таки к предмету КПЭ (сфера политики или, несколько шире, нерыночных решений).

⁹ Возникла в середине 1930-х гг. в университете немецкого города Фрайбурга. Основателем школы считается Вальтер Ойкен (1891-1950). Термин «ордолиберализм» происходит от названия основанного Ойкеном и Францом Бёмом (1895-1977) в 1948 г. ежегодного альманаха «ОРДО» и предшествующей ему серии публикаций «Ordnung der Wirtschaft» («Порядок хозяйства») [8. С.П-III].

¹⁰ Так, Ванберг констатирует, что «по сравнению с современной концепцией конституционной экономики теоретиков социального рыночного хозяйства значительно меньше интересовал вопрос о том, какие конституционные ограничения нужны государству...» [7. С.92]. И далее он пишет: «Но гораздо убедительнее, чем необходимость конституционных ограничений правительства, они отстаивали позицию о том, что достаточно сильное правительство требуется для того, чтобы эффективно применять и осуществлять на деле “политику порядка” (или институциональную политику), сохранять независимость от организованных групп интересов» [7. С. 92].

¹¹ «Задачей антимонопольного ведомства является по возможности роспуск монополий и осуществление контроля за деятельностью тех из них, распустить которые не представляется возможным» [14. С. 382]. «При решительном осуществлении контроля за деятельностью монополий у олигополиста не окажется повода в конкурентной борьбе уничтожить соперников и завоевывать монопольные позиции. Ведь в этом случае он попадет под жесткий контроль антимонопольного ведомства» [14. С. 387].

Теоретики общественного выбора до появления КПЭ уделяли главное внимание медианному избирателю как детерминанту и одновременно ограничителю действий политиков. Можно сказать, что их модели рассматривали политический процесс только со стороны спроса, игнорируя предложение. Видные теоретики КПЭ стали доказывать, что политики не будут в достаточной степени ограничены медианным избирателем, а только конституционными правилами, сокращающими их возможности предложения и реализации популистских инициатив.

В то же время следует заметить, что как раз результаты исследований в рамках ТОВ, а именно обнаружение так называемых «провалов государства», открыло путь к изучению конституционных правил, поскольку, если бы такие провалы не существовали, то не было бы причин сравнивать альтернативные наборы правил. В этом случае неограниченный ничем благонамеренный диктатор успешно подменял бы коллективные решения.

Бреннан и Алан Хэмлин полагают, что КПЭ, с одной стороны, может рассматриваться как более узкая область по сравнению с ТОВ, так как она сосредоточивается на конституции как ключе для понимания рациональной политической деятельности и на конструировании конституции как ключе для политических реформ. Но, с другой стороны, КПЭ шире чем ТОВ, поскольку она занята основными правилами, которые управляют общественной деятельностью и за пределами политики – во всех социально значимых областях. В этом смысле КПЭ комбинирует составляющие ТОВ с элементами, взятыми из социологии рационального актора, экономического анализа права и других областей [21. Р. 402].

КПЭ и экономический анализ права. Экономический анализ права как одно из важных направлений развития экономической мысли вширь («экономического империализма»), по идее, должен был бы поставить на одно из самых приоритетных мест анализ конституций. Однако этого не произошло. Конечно, нельзя сказать, что он его полностью игнорирует. Если обратиться к широко известному двухтомнику Ричарда Познера «Экономический анализ права», то легко заметить, что во 2-м томе заключительная часть, состоящая из шести глав, называется «Конституция и федеральная система» [15. С.829-921]. В нем несколько удивляет суждение о том, что количество экономических работ по конституции невелико [15. С.829]¹². Что же касается списка тем (проблем), которые Познером предлагаются в качестве предмета экономического анализа [15. С.829, 830]¹³, то следует констатировать их включенность в таковой задолго до сделанного им предложения и, естественно, независимо от него. Анализируя различные конституционные правила, школа экономического анализа права гораздо больше уделяет внимание их последствиям, чем их происхождению (выбору). В этом она отличается от КПЭ, которая, разумеется, не чуждается исследований социально-экономических последствий конституций, но все же центральным вопросом считает изучение происхождения и природы конституционных правил как ограничений.

В целом же, проводя сравнительный анализ КПЭ с экономической теорией прав собственности, экономическим анализом права и политической экономией государственного регулирования, Бьюкенен, с одной стороны, отмечает, что «конституциональная экономическая теория охватывает все эти дисциплины, поскольку в каждом случае определенное внимание уделяется юридическим и политическим ограничениям, в рамках которых экономические и политические субъекты решают проблему выбора» [4. С.173]. Но, с другой стороны, Бьюкенен отделяет КПЭ от них. И принципиальное отличие он видит в том, что «ключевое значение для этих отраслей экономической жизни сохраняют стандартные критерии экономической эффективности, выполняющие одновременно и роль основы для построения объяснений, и роль нормативного идеала» [4. С.174].

¹² Учтем, что в США эта работа издана в 1998 г., когда уже 8 лет как издавался специальный журнал «Конституционная политическая экономия», не говоря уже о широком обсуждении этого же предмета в журнале «Общественный выбор» и др. экономической периодике. Кроме того, до выхода работы Познера был издан ряд книг, ставших важными вехами в формировании КПЭ как особого направления экономической мысли. К уже названной работе Бреннана и Бьюкенена стоит добавить следующие книги Бьюкенена [23] и Мюллера [27].

¹³ Познер предлагает такие давно ставшие традиционными для ТОВ и КПЭ области, как экономические свойства и последствия требования сверхквалифицированного большинства для изменения закона, экономическая теория разработки конституирующих правил экономической системы (разделение полномочий в федеральном правительстве и федерализм), выдвижение предложений об изменениях конституционного закона в целях всеобъемлющей защиты свободных рынков, соотношение между конституцией и экономическим ростом и др.

КПЭ и новая институциональная экономическая теория (НИЭТ). В НИЭТ входит экономическая теория прав собственности. В то же время «элементарные конституционные правила базируются на принципе неприкосновенности индивидуальных прав собственности» [17. С.16]. Эта теория, кроме того, имеет то общее с КПЭ, что рассматривает экономические результаты, порожденные альтернативными правилами. Однако ее внимание больше сосредоточено на правилах более низкого уровня по сравнению с КПЭ. Она почти не затрагивает конституционных правил.

Если следовать фундаментальному обзору НИЭТ Эрика Фуруботна и Рудольфа Рихтера, то можно указать на обращение к анализу прав человека, экономическое объяснение происхождения которых занимает одно из центральных мест в КПЭ¹⁴. Фуруботн и Рихтер констатируют, что «права человека вполне можно обсуждать, пользуясь понятийным аппаратом экономической теории прав собственности» [17. С.106]. Затем со ссылкой на Локка говорится, что предоставляемое либеральным государством право человека на самоопределение можно проинтерпретировать как «собственность человека на свою личность». И, наконец, «право на самоопределение можно интерпретировать как некую договоренность, приводящую к эффективности, если предполагается, что каждый человек знает личные способности и предпочтения лучше, чем кто-либо другой» [17. С.107]. И, как пишут авторы, «отсюда следует, что индивид способен наилучшим образом планировать свою жизнь» [17. С.107]. В том смысле, чтобы «осуществить оптимальные инвестиции и максимизировать приведенную стоимость своего “индекса полезности”» [17. С.107].

В этом случае можно увидеть прямое указание на связь прав человека с экономической эффективностью, что, кстати, подтверждается последующими рассуждениями авторов о положительном влиянии их на накопление человеческого капитала. Анализ этой связи составляет сегодня одно из главных направлений прикладных исследований КПЭ. В НИЭТ этому аспекту также уделяется все больше внимания, особенно если иметь в виду последнюю работу Дугласа Норта и его соавторов. В частности, они связывают так называемый «порядок открытого доступа» с появлением такого государства, которое оберегает права граждан. В то же время они не разделяют «конструктивизма» многих представителей КПЭ и придерживаются эволюционной парадигмы в отношении институтов.

Близость НИЭТ и КПЭ лучше всего видна в теории государства. НИЭТ рассматривает его с позиции разработанной ею теории контрактов и отношений между принципалом и агентом. «Демократическое конституционное государство можно рассматривать как отношенческий (неявный) контракт типа принципал-агент между избирателями и их правителем (представителем)» [17. С.527]. В связи с асимметричностью информации у агентов появляются широкие возможности для постконтрактного оппортунизма, возникает проблема достоверности обязательств правительства по отношению к избирателям. В сущности, это те же проблемы, которыми занимается КПЭ, только сформулированные с использованием разработанных НИЭТ категорий.

«Конституционные правила, – пишет Норт, – это фундаментальные, лежащие в основе правила, созданные в целях спецификации базовой структуры прав собственности и государственного контроля. Их модификация должна быть более затратной, чем операционных правил, которые, будь то государственные законы, обычное право или добровольные контракты, конкретизируют условия обмена в рамках конституционных правил. Нормативные правила поведения являются кодами поведения, предназначенными для легитимизации конституционных и операционных правил» [29. Р.203].

В этом случае очевидна параллель с бюкененовской теорией конституционного и постконституционного договора, и соответственно «двух государств» – защищающего и производящего¹⁵. Что же касается упомянутых Нортом «нормативных правил поведения», то они в совокупности образуют то, что определено ранее как надконституционные правила. Таким образом, можно прийти к выводу, что НИЭТ дополняет КПЭ договором третьего вида и тогда выстраивается следующая договорная триада: надконституционные правила – конституционный договор – постконституционный договор.

¹⁴ Экономическая модель конституционных прав разработана Мюллером [28].

¹⁵ «Главная и единственная функция «государства защищающего» – обеспечение реализации индивидуальных прав, как они определены в конституционном договоре» [3. С. 416]. «Государство защищающее» является третейским судьей, или рефери, и его задача заключается только в обеспечении согласованных правил» [3. С.416]. «В идеале “государство производящее” является воплощением постконституционного договора между гражданами, предмет которого – обеспечение производства совместных товаров и услуг, пользующихся спросом граждан» [3. С. 415].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер Г.С. Преступление и наказание: экономический подход // Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избр. Тр. по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 282-352.
2. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: теории и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т.1, вып.1. С. 24-40.
3. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж.М. Соч. Сер. «Нобелевские лауреаты по экономике» / гл. ред. кол.: Р.М. Нуреев и др. М.: Таурус Альфа, 1997. Т. 1. С. 207-444.
4. Бьюкенен Дж. Конституциональная экономическая теория // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла и др. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 167-178.
5. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Бьюкенен Дж.М. Соч. Сер. «Нобелевские лауреаты по экономике» / гл. ред. кол.: Р.М. Нуреев и др. М.: Таурус Альфа, 1997. Т. 1. С. 16-30.
6. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия // Бьюкенен Дж.М. Соч. Сер. «Нобелевские лауреаты по экономике» / гл. ред. кол.: Р.М. Нуреев и др. М.: Таурус Альфа, 1997. Т. 1. С. 31-206.
7. Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика // Вопросы экономики. 1995. №12. С. 86–95.
8. Гутник В. Предисловие. Концепции свободного и эффективного рынка: германский вариант // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм / под ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Изд-во "Экономика"», 2002. С.I-XIV.
9. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / под общ. ред. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2005.
10. Какой модели человека принадлежит будущее – экономической, социологической? URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Rel=210>
11. Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.
12. Мизес Л. Мой вклад в экономическую теорию. URL: <http://www.inliberty.ru/library/classic/2753>
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
14. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995.
15. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2.
16. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS: теории и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 10-23.
17. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.
18. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.
19. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.
20. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 35-51.
21. Brennan G., Hamlin A. Constitutional Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law / Ed. P. Newman. L.: Macmillan Reference, 1998. Vol. 1. P. 401-410.
22. Buchanan J.M. How Can Constitutions Be Designed So That Politicians Who Seek to Serve «Public Interest» Can Survive? // Constitutional Political Economy. 1993. Vol. 4, №1. P. 1-6.
23. Buchanan J.M. The Economics and Ethics of Constitutional Order. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991.
24. Buchanan J.M., Congleton R.D. Politics by Principle, Not Interest: Towards Nondiscriminatory Democracy. New York: Cambridge University Press, 1998.
25. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: Chicago University Press, 1960.
26. Leipold H. Neoliberal Ordnungstheorie and Constitutional Economics – A Comparison between Eucken and Buchanan // Constitutional Political Economy. 1990. Vol. 1, №1. P. 47-65.
27. Mueller D.C. Constitutional Democracy. N.Y.: Oxford University Press, 1996.
28. Mueller D.C. Constitutional Public Choice // Perspectives on Public Choice: A Handbook Perspectives on Public Choice: A Handbook / Ed. D.C.Mueller. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P.124-146.
29. Mueller D.C. On Writing a Constitution // // Rules and Reason: Perspective on Constitutional Political Economy / Eds. R. Mudambi et al. Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 2001. P.9-32.
30. Tideman N. The Constitutional Conflict between Protecting Expectations and Moral Evaluation // Rules and Reason: Perspective on Constitutional Political Economy / Eds. R.Mudambi et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P.97-106.
31. Tullock G. The Economics of Non-Human Societies. Tuscon: Pallas Press, 1994.
32. Voigt S. Positive Constitutional Economics: A Survey // Public Choice, 1997. Vol. 90, №1-4. P. 11-53.

A.P. Zaostrovtssev

Constitutional Political Economy: Ideological Origins and Its Place in the Economic Doctrines

The role of economic analysis of constitutions as formal and informal social contracts is revealed. The social teachings, which have become a source of ideas, and later developed into the constitutional political economy, are examined. The place of constitutional political economy in the modern economic doctrines is determined, including the public choice theory, law and economics and new institutional economics. The author notes that the new institutional economic theory can complement and develop the constitutional political economy.

Keywords: constitutional political economy, social contract, maximizing behavior, rational choice, public choice, law and economics, institutions, new institutional economic theory.

Заостровцев Андрей Павлович,
кандидат экономических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов.
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 1.
E-mail: zaoand21@gmail.com

Zaostrovtssev A.P.,
candidate of economics, associate professor
Saint-Petersburg State University of Economics
and Finance
191023, Russia, Saint-Petersburg, Sadovaya st., 1
E-mail: zaoand21@gmail.com